

УДК 101

Б.С. Соложенкин

аспирант

*Санкт-Петербургский государственный
институт кино и телевидения*

Санкт-Петербург, Россия

gerzhogzdes@mail.ru

**СУДЬБА ИНДИВИДУАЛЬНОГО НАЧАЛА
В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ:
ПРОБЛЕМА ИНДИВИДУАЛИЗИРУЮЩЕГО ОБЪЯСНЕНИЯ**

**[*Solozhenkin B.S. The destiny of the individual «Self» in modern culture:
the problem of individualizing explanation*]**

It is considered the idea of individual «Self» expressed in various examples (such as a confession or an autobiography). On the material of Batkin`s research «The Renaissance Man» individualistic values has been explained with a number of its distinctive characteristics: to understand the world through one`s own private life, proving that a certain «Self» is an its author, exposing the uniqueness of it. Problems (theoretical or practical) of the individual in modern times are also depicted (on sociological and anthropological material).

Key words: individual, individuation, identity, modern culture, self-consciousness.

Одним из ключевых мотивов, которые двигали Л. Баткина в своем исследовании «Ренессансный человек» являлось стремление понять то исключительное внимание к факту собственной индивидуализации, к присутствию в мире самостоятельной и уникальной единицы, которое появляется в эпоху Ренессанса, предвещая как страдания Манфреда, так и идею о сверхчеловеке Ницше. «А ренессансный человек озабочен тем, чтобы стать неведомо кем. Границы "Я" неизвестны. Логические, ценностные, социально-психологические основания индивидуальной личности только имеют быть обнаружены. Культура итальянского Возрождения еще незнакома с новоевропейским самообоснованием, самооценностью "неповторимой" индивидуальности. Личность становится возможной – концептуально, рефлексивно – только в рамках категории "разнообразия"» [2, с. 702].

Что предшествует такого рода заботе стать неизвестно кем? Как раз четкое знание своего места в универсуме, свойственное, как неоднократно замечает сам автор, традиционным, религиозным обществам [2, с. 896]: письма всегда будут приходить по адресу, вещи иметь свое место (Аристотель), а подтверждать порядок будет авторитет (схоластика). Возьмем в качестве примера разбор «Исповеди» Августина с позиции Баткина. Автор пишет, что «индивидуальное сознание есть заострение всеобщего» [2, с. 52] и находит воплощение этого принципа у Августина. Вопрос о самосознании в «Исповеди» возникает в связи с присутствием модели, образа человеческого бытия. Если точнее, не только в связи с этой моделью христианского бытия, но через нее. Вопрос: «А кто же ты, Августин?» звучит через динамики греха и покаяния, и не может быть транслирован только через канву личного мироощущения. Раб божий идет в Августине прежде индивидуального «Я», именно через призму вертикального взгляда, взгляда сверху и раскрывается индивидуальный Августин. О его качествах мы узнаем только через призму совершенных качеств Бога, мы узнаем об Августине через недостаток, через лишенность, а то «позитивное» и конечное, в смысле жизненных наблюдений Монтеня или чьих-либо приключений, описанных в livejournal, является на самом деле негативом, предварительным слепком.

Почему все-таки негатив? Потому что в Исповеди отсутствует ценность индивидуальных переживаний как таковых. Чувства Августина – чувства любого другого человека. Он постольку чувствует, поскольку принадлежит к человеческому роду (и может быть определен через набор родовых акциденций), то есть имеет тело, помыслы, страдания и чувства как у всех [2, с. 63]. Его пример универсален и завершен именно в исповеди, без ее сакральной нити все подробности его жизни теряют смысл. Размежевываясь с психологическим прочтением Августина, Баткин замечает, что исповедь на самом деле становится очищением от биографии, вынося следующее пронизательное суждение: «В исповеди "нет героя и нет автора", "это дух, преодолевающий душу в своем становлении"» [2, с. 86].

Следующий пример – Абеляр. Если в случае с Августином «Я» было загадочным и таинственным, а знание о «себе» подразумевало лишь небольшую, освещенную божественным светом область, то Абеляр уже знает, чем он отличается от многих других, сожалея об этой своей исключительно-

сти. Грех Абеяра, за которым последовало оскотление и сожжение его труда, – это не его маленькое частное дело, в которое вмешались силы извне, тем самым помешав его благополучию и счастью. Его пример – общий, он вписывается в парадигму христианского становления. Он грешил и получил возмездие, и им же был наставлен на путь истинный, где нет места страсти и самонадеянной мысли. Его судьба предстает перед нами в перспективе пути, очерченного мышлением о себе христианина.

Индивидуальность судьбы Абеяра в том, что он противопоставил жесткой догматике свой склад ума и склонность независимо рассуждать. То что в наши дни сделало бы его членом (и весьма значимым) ученого сообщества, в те времена как раз стало причиной его бедствий. У него уже есть искомая для утверждения индивидуализма мотивация – показать, что сам «Я» незауряден, «Я» особенный (и особенная моя жизнь). Его работа в большей степени, чем исповедь Августина, является автобиографией: он подчеркивает именно незаурядность своего ума как в случае с лекцией для монахов Сен-Дени, так и в случае со священником, чей каверзный вопрос он обращает против него самого. «Иначе говоря, индивидуальность Абеяра была осуществима лишь в виде зарождающегося разума схоластики, в створе XII и XIII вв., на месте будущего Латинского квартала, на почве вероисповедных диспутов, из распри между "номиналистом" Росцелином и "реалистом" Гильомом из Шампо, двумя учителями Абеяра» [2, с. 148-149].

Основной (хотя и не последний) пример, где мы, вслед за Баткиным, пытаемся найти зарождение новоевропейской личности, – Петрарка. Через ощущение себя автором, в слиянии творчества и жизни (проживая реминисценции, творя жизнь во время ее описания), в доверии к тому нарративу, который плетется «о себе». Причина, условие возможности этого авторства – отсутствие образца. Мы оказываемся на разломе, когда существующая культурная ситуация больше не является естественным местом для творчества и осмысления, требуется трансцендирование к иной культурной модели (в данном случае – античности), которая и откроет истинные цели проекта новой личности.

Однако Баткин пишет: – недоличность и сверхличность... Чья бы персона ни оказывалась на острие его исследовательского интереса – Августин. Абеяра, Петрарка, всегда общее оказывается сильнее, символический центр находится не в сложных самоописаниях субъекта, он лишь проходит орнамен-

том по нити авторского повествования. Выделяются моменты, которые потом будут в обосновании личности: своеобразие ума и самостоятельность его у Абеляра, стиль Петрарки, исповедальное обращение к «себе» Августина, только еще не подкрепленное ценностью своеобразного и уникального Лоренцо. Эти моменты хотя и имеют в основании подчеркнутый интерес к «себе», тем не менее, они лишены ценности «себя». Дискурс о себе, индивидуализирующее объяснение уступает общей топике эпохи, то есть дискурсу о делегате данной эпохи, данного религиозного видения.

Мир, в котором обнаруживается новоевропейский индивид, начиная с Возрождения, более не заверченный мир, это не некое целое, к которому он принадлежит как часть. Это мир, где точкой отсчета становится беспредпосылочное «Я» [2, пар. 34]. В этом мире еще не развилась страсть к подглядыванию за собой [2, с. 895-896], которой предстоит воплотиться в нарративе «о себе», приводимом в качестве доказательства наличия «себя» как индивида или личности. Есть только это свободное «Я»... при этом не одно.

Существует пропасть между «Я» подглядывающее/полагающее за собой и «Я» как объект этого интереса. В эту пропасть закладывается символический ресурс как паранойи, так и личностного развития, эта пропасть утверждает возможность постоянного смещения образа «Я» (как внутри, так и снаружи), преобразования личности (из-за чего не ослабевает интерес к тренингам и психопрактикам, к постоянному дизайну и поиску «себя» в современности (и в этом отношении Фихте легализует этот интерес «Я» к самому себе)).

Помимо этого увлечения «собой» важным для понимания перехода к индивидуалистической эпохе служит символический жест Элоизы: она не в силах отдать «свою» любовь – чувство, с которым и связана ее индивидуализация (ведь кем будет она без Абеляра?), исповедь не свершается до конца [2, с. 227]. Это соображение связано с дальнейшим размышлением о судьбе индивидуализации. Эта творческая, разомкнутая в горизонтах своеобразия личность, которую Новое Время лишь наполнит и усилит смысловой значимостью, потом предстанет в иных культурных и антропологических реалиях как изолированное бытие. Современность дает предел этой значимости: эта индивидуализация появляется *de jure*, а не *de facto*.

«Подданные современных государств являются индивидами по воле судьбы; то что определяет их индивидуальность, – их ограниченность в соб-

ственных ресурсах и личная ответственность за результаты принимаемых решений, – это не предмет их собственного выбора. Все мы сегодня индивидуалисты *de jure*. Однако это вовсе не означает, что мы являемся индивидуалистами *de facto*» [3, с. LII].

Для иллюстрации этой индивидуализации *de jure* следует упомянуть о страданиях Манфреда, о страданиях тщетной индивидуальности, которая не находит себя в Мире, ни среди Других, ни среди общезначимых ценностей и чувств. Все его чувство – страдание, стремление прекратить индивидуальное бытие. Он признается в том, что даже смерть не способна дать забвения [1], смерть не дает забвения, освобождения от бремени... Таков стиль повествования о себе у индивидуалиста *de jure*: «Люди рассказывают разные истории, но их смысл всегда один и тот же: каждый считает, что своим успехом он обязан только самому себе (своей проницательности, хитрости, сообразительности, богатству эмоций и умению жить), а в проигрыше винит только отсутствие или нехватку у себя всех или некоторых из этих качеств» [3, XLV].

Чего не хватает Манфреду, признания со стороны Другого? Индивидуация никогда не оторвана от своих условий и от элементов системы, в которой она осуществляется, – напоминает нам Симондон (см. его доводы у Вирно: [4, с. 93]); к тому же, она не является неким стабильным результатом, а всегда открыта, проектируется и воссоздается, в противном случае происходит деградация, распад замкнутой, индивидуализированной единицы до общего состояния среды (отчасти это коррелирует с выводами об эволюции Щербакова [7]). Говоря о наличии в современности индивидов, мы часто имеем в виду именно экономические основания индивидуализированного существования. Столь же часто упускаем его эстетическую, этическую несостоятельность, о чем нам лишней раз напоминают такие явления, как поп-культура (ведь она возможна только в ситуации господства общих оценок, симуляции собственного отношения и желания), массовая психология и, в частности, аполитичность большинства субъектов, их тактики поведения (см. другую работу Баумана [8]).

Что остается от обращения к надмирному целому, характерного для традиционных обществ? Замкнутая на обстоятельствах личной, частной жизни исповедь. Зачастую, не находящая адресата и перетекающая в невроты одиночества; стойкое отвержение любой формы зависимости и в то же время навязчивое желание каких-либо социальных отношений [3, с. 7].

Нигде и Ничто, высказанные Петраркой в качестве исходных координат положения «себя», оказываются той судьбой, которую капитал отводит заключенному в свои перемещения «субъекту» (и небожитель, то есть капиталист, подвержен тем же вышеупомянутым симптомам, что и представитель социальных низов). Возникновение и проблематизация понятий массового сознания (Ортега-и-Гассет, Грушин), одномерного человека или человека без свойств (Музиль, Маркузе), усмотрение индивидуации как проблемы, а следовательно, и пересмотр эвристической ценности понятий субъект, личность, индивид (постмодерн в целом), – все это дополняет одну проблему индивидуализирующего объяснения¹.

Всякий раз, когда нам предъявляют субъекта, мы должны спрашивать: почему мы полагаем предел процедуре индивидуации в данном случае? Почему мы говорим о факте свершившейся индивидуации? В каких координатах мы располагаем сознанием о «себе»? Можем ли мы, руководствуясь принципом Оккама или Маха («наука экономична по сути»), обойтись без субъекта, не теряя чего-то существенного в объяснении поведения/мышления/коммуникации?

Из одной и той же ситуации, а именно капиталистического способа производства в эпоху господства медиа-пространств, следует два вывода, два выбора относительно точки отсчета в рассуждениях о судьбе человека. Мы имеем два решения, два способа подвести черту перед этим поиском: да, это тождество следует искать (причем стратегии совершенно разные: от архаичного отступления к его утверждению в качестве причины до выявления субъекта как эффекта у Симондона/Делеза); нет, следует рассуждать о способах организации множеств (представить каждого индивида как сплав сил, конструкторов желаний, как нечто неоднородное в любом случае. Указать на теоретический приоритет родовых определенностей и структур).

Однако онтологический вопрос здесь предваряется вопросом антропологического характера. Настоящая проблема не в отсутствии постоянного тождества субъекта, наличия картезианского кукловода или единого самосознания, проблема в его требовании, в том, что он постоянно ищется. Приведем цитату:

¹ Мы используем здесь следующее различие. Индивидуация – общая проблема, затрагивающая становление/выделение чего-то как единичного, уникального. Индивидуализация связана с социально-культурными аспектами индивидуации, в нашем случае мы разбираем частный случай новоевропейского индивида (Баткин) или же индивидуализированное общество (Бауман).

«Проблема своей тождественности, сомнение в ней возникает только в конфликтной ситуации» [6, с. 75]. Основное, что следует из предшествующего изложения, – вопрос индивидуализации особенно остро возникает тогда, когда требуется сшить разнородные контексты, стратегии поведения. Когда агенты (диспозиции внутри нас, образы «Я», субличности или прото-субъекты) пытаются выяснить, кто главнее – кто сильнее, внутренний прагматик или «показной» игрок, мы получаем прагматический вопрос: как же сшить, сопоставить и назначить уровни разным моделям «Я», разным логикам поведения, которым приходится следовать. Проблематичность объяснения через индивидуальное появляется только тогда, когда деятельность «индивида» становится многообразной и контекстуально гибкой, то есть в современности.

Иначе говоря, в случае Августина проигрывается ситуация самоопределения и нахождения себя в культурной матрице, в то время как среди абстрактных правил (Вирно) и безличных институтов современности разыгрывается драма невозможности или, по меньшей мере, трудности как раз выбора из множества вариантов этих матриц. Индивидуализм экономический не равен, еще не означает творческого подхода к своей судьбе, наличия того авторского начала, которое и сделало личность, индивидуальность Петрарки. В то же время этот индивид оказывается фигурностью капиталистических отношений как таковых, и тогда перед теорией индивида встает задача доказать, что индивид не сводится к набору идентичностей, а подразумевает нечто большее (отдельную систему со своими убеждениями и установками, уникальный авторский стиль, преобразующий мир под себя – и т.д.).

Своеобразие каждого индивида обнаруживает под собою запрос на присутствие. «Я – всеобщий, поскольку уникальный!», и первое, полагающее эту фразу «Я», должно иметь силы рисковать собой, мужество (ссылка Б. – мужество) не только представлять себя другим (как в социологическом интеракционизме), но и быть автором своей жизни в мире, где царствует *general intellect* [4, с. 29-36], быть не только свидетелем внутреннего мира/жизни, но и ее активным (в делезианском смысле) творцом.

Индивидуализирует прежде всего интерпретация правила, по которому осуществляется действия, и прежде чем заявлять о единичном, частном действии субъекта, всегда надлежит спрашивать, кто же определяет это действие [5]. Мы вправе заключить: совокупность сил, воля – эти понятия еще ничего

не сообщают нам о том, почему в данной конкретной ситуации некто является Das Man или же творцом собственной судьбы, проводником (частью тела) государственной воли (Фуко) или же избравшим именно свою судьбу. Этот вопрос, в конечном счете, разрешается практически, это практическая задача «быть собой», в которой субъекту отводится роль корректора до-индивидуальных обстоятельств, которые в культурной перспективе Нового Времени предстают как своеобразный лабиринт, способный запутать того, кто в него вошел.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Байрон. Д.* Манфред [Электронный Ресурс] URL.: http://www.lib.ru/POEZIQ/BAJRON/byron4_1.txt (дата обращения 28.03.16)
2. *Баткин Л.М.* Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. М., 2000.
3. *Бауман. З.* Индивидуализированное общество. М., 2005.
4. *Вирно П.* Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М., 2013.
5. *Декомб В.* Дополнение к субъекту: Исследование феномена действия от собственного лица. М., 2011.
6. *Кон. И.С.* Открытие «Я». М., 1978.
7. *Щербаков В.П.* Эволюция как сопротивление энтропии [Электронный Ресурс] URL.: http://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/430413/Evoljutsiya_kak_soprotivlenie_entropii (дата обращения 28.03.16)
8. *Bauman Z.* From Pilgrim to Tourist – or a Short History of Identity // Questions of Cultural Identity. London, 2000. [Электронный Ресурс] URL.: <http://les-urbanistes.blogspot.ru/2008/11/blog-post.html> (дата обращения 28.03.16)

REFERENCES

1. *Byron D.* Manfred [Electronic Resource] URL.: http://www.lib.ru/POEZIQ/BAJRON/byron4_1.txt (request date: 28.03.16)

2. *Batkin L.* The European Man on its own. Essays on self-consciousness limits (historical and cultural aspects) M., 2000.
3. *Bauman Z.* The Individualized Society. M., 2005.
4. *Virno P.* Grammar of the Multitude. M., 2013.
5. *Descombes V.* An addition to the Subject: On phenomenon of first-person action. M., 2011.
6. *Con I.* «Self» revealed. M., 1978.
7. *Scherbakov V.* Evolution as resistance to entropy [Electronic Resource] URL.: http://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/430413/Evolyutsiya_kak_soprotivlenie_entropii (request date 28.03.16)
8. *Bauman Z.* From Pilgrim to Tourist – or a Short History of Identity // Questions of Cultural Identity. London, 2000. [Electronic resource] URL.: <http://les-urbanistes.blogspot.ru/2008/11/blog-post.html> (request date 28.03.16)

7 июня 2016 г.